

Сергей Монастырский

Скоро Новый
ГОД

18+

Сергей Семенович Монастырский

Скоро Новый год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68990434

SelfPub; 2023

Аннотация

Дети выросли. У них уже были свои дети. И вышли на пенсию родители. И последнее, что они могли сделать для детей – отдать им свою квартиру. И переехать в деревню, где прошло детство одного из них. Круг замкнулся...

Сергей Монастырский

Скоро Новый год

Сегодня, впервые установилась, наконец, настоящая зимняя погода. Конечно, не такая, как в его Петькино детство, когда прилипал снег к мохнатым шароварам, и щеки горели при спуске с крутой горки. Вот это была зима!

Петр Владимирович сходил в кладовку, снял с гвоздей старый еще отцовский овечий полушубок, натянул надвое шерстяных носков валенки, напялил кроличью ушанку и так предстал перед женой.

– Ой! Петя, хорошо, что я тебя таким не видела, когда замуж выходила! – Охнула Ивановна.

– А то бы не вышла? – поинтересовался Петр Владимирович.

– За такого-то красавца?! Всех бы девок отбила!

Выходила Зинаида замуж за молодого учителя, с хорошим по тем временам достатком, да и сама она в ту пору была совсем не плоха!

– Ну, я понял! – Петр Владимирович, снял со стены ружье и шагнул за порог своего деревянного дома.

– Обедать, когда будем? – крикнула вслед Зинаида Ивановна.

– Зин, тут морозяка градусов десять! Больше двух часов не прохожу!

... Слегка проваливаясь в легкий снег, легко скользили широкие охотничьи лыжи, оставалась за спиной их затерявшаяся в глухомани деревня, впереди через пустое поле стоял нахлобученный тяжелыми шапками снега лес.

Медленно падал, щекотал, сходил за шиворот мягкий снег. Неспешно катилась зима, как-то неспешно катилась и жизнь в этих краях, в этой забытой богом деревне из пятнадцати домов, в этой новой судьбе Петра Владимировича, которая будет теперь уже до конца его жизни.

Надо привыкать!

Еще два года назад Петр Владимирович отрубил почти сорок лет в городской школе, но возраст стал брать свое, стал он туговат на ухо, и ученики в открытую уже посмеивались над ним на уроках.

Петру Владимировичу и самому было уже неприятно и неумоги́то отвечать на не расслышанные вопросы, и к тому же возраст-то – шестьдесят лет – позволял выйти на пенсию, он и вышел.

Взрослая дочь с ребенком, до сих пор жившие с ними в двухкомнатной хрущевской квартире, в этот же год удачно второй раз вышла замуж и переехала к мужу. Оставался сын – горемыка с двумя детьми. Непутевый, потому что с работой ему не везло, кроме слесарной профессии у него другой не было. Жил он со своей семьей в общежитии.

В общем, отдали они сыну свою квартиру и прошлым летом переехали в старый родительский дом в этой деревушке,

в ста километрах от города и десяти от ближайшего поселка.

За лето с помощью соседей и друзей они успели его подлатать, пробурили скважину для воды, завезли дрова, так что это была их первая зима в новой жизни.

... А ехал Петр Владимирович за зайцем!

Никакого, зайца, конечно, он не ожидал встретить, да и не нужен был ему заяц, ну, а вдруг!

И потом нужна была цель!

Не мальчишка же он, просто так кататься по снегу! Но действительно, мальчишкой, перекатываясь с холма на холм и выезжая, наконец, на открытую поляну, ощущал себя Петр.

Оглянулся назад, устанавливая за каким ухом – за правым или за левым – остается солнце, чтобы не ошибиться на обратном пути, но потом резонно подумал, что обратно можно идти по собственному следу.

Никаких других следов не было. Да и кому их оставлять? В деревне из пятнадцати домов, жилых было шесть – это были родившиеся и состарившиеся здесь местные жители, которые давно уже от деревни далеко не уходили, занимались зимой и летом хозяйством в своих дворах, разве что сено некоторые заготавливали на краю деревни.

Летом, правда, еще два-три дома оживали, когда в них возвращались на период отпуска, давно уехавшие в город хозяева или их дети.

... Скользили лыжи, падал на плечи с веток потревоженный снег, искрились сугробы, о чем-то перекликались, раду-

ьясь солнцу, птицы.

И был Петр Владимирович, так же легок и радостен.

Легок, потому что, как считали они с Зинаидой Ивановной, отдали, наконец, свой последний долг детям, устроив их в жизни, а еще раньше как-никак выстояли, никто из них не попал в передрагу, ни с кем не случилась беда, у всех есть свои семьи. А они с женой и здесь проживут! В конце – концов, много ли им надо?!

Все, что было надо, отдали детям, а на двоих как-нибудь хватит.

Так он думал, скользя на лыжах и не замечая, что думает, что какие-то мысли копошатся в голове, привык он думать! Все-таки был учителем.

А о чем думал? О том, кто как из класса учится, о том, как поинтересней подготовить следующий урок, о скандале с очередным завучем, о непонимании со стороны некоторых родителей!

И вот школа закончилась. И ничего не произошло, ничего не рухнуло, школа не развалилась, да и нужна ли она здесь кому-либо, было не очень теперь понятно!

В общем, думать оказалось не о чем, а в голове по инерции что-то вертелось.

Только поделиться было не с кем.

Только с женой.

Но у той была такая же ситуация. С той разницей, что ее душа болела о детях маленьких. Работала она в детском саду.

Правда, заведующей.

... Петр Владимирович вздрогнул! Наконец, на поляну, на которую он вышел, выскочил заяц.

Большой, зимний заяц, в белой, слегка загрязненной шубке.

Петр Владимирович настолько не ожидал такой охотничьей удачи, что даже не успел сдернуть с плеча ружье.

Они так и стояли некоторое время друг против друга. Заяц, спокойно присевший на снегу, и охотник с ружьем за плечом.

И неожиданно заяц двинулся и вдруг прыгнул в заснеженный кустарник и ушел!

Петр Владимирович, опомнившись, сдернул с плеча ружье, да так и остался стоять на пустой теперь поляне.

– И, слава богу! – подумал вдруг он, дрожащими пальцами переводя затвор в безопасное положение.

Никогда в жизни он ни в кого не стрелял. И сейчас представить не мог, что было бы, если бы он выстрелил!

Зайца бы он убил. Потом пришлось бы его потрошить, сдирать шкуру, что-то отрезать! А мертвый заяц смотрел бы на него своими мертвыми глазами.

– Тьфу ты! И зачем ему заяц! Нечего что ли есть!

А зачем он взял ружье? Петр Владимирович, сам об этом не подумал.

Ну, вроде, так положено. А вдруг – заяц! – и.... Совсем спутались у него мысли, и он уже позабыл, о чем до этого

думал!

Ах, да! о детях.

Он развернулся и заскользил обратно.

О детях. Ну, что о детях? Они с женой отдали им всю жизнь. Сами без них никуда! Один только раз, когда отдали детей в школьный лагерь, съездили по профсоюзной путевке на море. В Крым. Если бы с детьми, то денег бы не хватило.

Да и не видели дети моря никогда. Им ближе был наш пионерлагерь, где собиралась куча друзей из школ, из дворов, просто знакомых из города!

А они прожили две недели у моря! Без детей было непривычно, да и думали постоянно, как они там, не курят ли тайком, а не дай бог, кто-то выпивать начнет!

Не выдержали, и через четырнадцать дней уехали обратно.

... А хорошо скользить в солнечный зимний день по лесу. Тихо-тихо, только лыжи скрипят. И нет никого, и думается легко, или вовсе не думается, катятся лыжи, катится день, катится зима, катится жизнь.

Не обремененный теперь ни чем, ни работой, ни даже детьми, все это осталось там – в городе!

А они с Зинаидой как-нибудь проживут.

Перебежала дорогу белка.

– Ах ты, зверушка! – подумал Петр Владимирович, – Вот бы тебя внучкам показать!

– Опять о внучках! – пришла ему мысль. – Ну, сколько

можно! Все дали, все предоставили! Свой долг выполнили!

И он вспомнил последний с детьми разговор прошлым летом, когда они поехали все вместе навестить дом.

Видимо, ждали, когда останутся с отцом одни, мать они не могли, не хотели тревожить, и когда вечером Зинаида Ивановна ушла с внуками гулять, спросили Петра Владимировича:

– Пап, а ты хорошо подумал, что отдашь квартиру?

– А что?

– Ну, представь, вдруг заболеешь серьезно, надолго, мало ли что в старости бывает!

– И что?

– А то, что здесь нет больницы, и скорая не приедет! Придется вас обратно забирать! – Ну, об этом речи не может быть! Не обрадуется твой муж, чтобы нас в свою квартиру забрать!

– Да, и нам, пап, как-то не очень бы хотелось, до вашей смерти в коммунальной квартире жить! – добавил сын.

Он так и сказал: «до вашей смерти!»

Петр Владимирович был потрясен. До сих пор он об этом не думал.

Но отступить было некуда!

– Не бойтесь, не попросимся! – ответил он за себя и за Зинаиду Ивановну.

... Ну что, охотник, мясо принес? – весело спросила Зинаида Ивановна, отряхивая в предбаннике тулуп от снега.

Петр Владимирович рассказал о зайце.

– Я бы тебя вместе с зайцем отсюда выкинула! – резко выговаривала жена, выслушав его, – неужели Петь, ты бы смог убить?!

– Наверное, нет, – честно ответил Петр Владимирович.

– А чего тогда ружье взял?

... На обед был борщ сварен в кастрюле с салом и клецками.

И все. Решили не наедаться. Впереди была баня.

... День начал угасать. Отдохнув полчаса, Петр Владимирович, начал готовить баню.

Сухие дрова, наколотые еще с лета, лежали в прохладной бане, перед комнатой отдыха.

Дальше шла парная.

Петр Владимирович включил электрическую батарею, и когда стало почти тепло, снял полушубок.

Он засунул в топку дрова, поджег сначала лучину, и когда щепка разгорелась, начал осторожно подкладывать тонкие поленца. Потом покрупнее. Налил, в стоящий на печке котел воды из ведер, и стал ждать, когда закипит.

Сидел, грелся и радовался, и смотрел на языки огня, которые прорывались из-за заслонок.

Наконец, окунул палец в котел. Можно было начинать.

Он взял ковшик, зачерпнул не кипятком еще, но достаточно горячую воду, обмыл скамейку вытянувшуюся вдоль сте-

ны в парилке, протер их щеткой, другой щеткой прошелся по полу, тоже самое сделал в предбаннике.

Пар стал медленно подниматься из котла. Петр Владимирович плеснул ковшом на каменку. Она зашипела, и сразу обдало жаром.

Он опустил два березовых веника, висевших на стене, в котел и позвал жену:

– Зин, ты готова? – крикнул он.

– А чего мне прямо голой бежать?

– Голой не надо, сосед перехватит!

– Ой, ахнула Зинаида Ивановна, будет мне счастье!

... В парной было уже жарко! Сели на лавку, нужно было разогреться.

– А чего пялишься? – засмеялась Зинаида Ивановна, потряхивая полными грудями. – Не рассчитывай ни на что!

– Зин, я это уже видел! – ответил Петр Владимирович.

Потом он хлестал растянувшуюся на лавке жену веником, потом она его.

Вспотевшие, разомлевшие от жары, обливались они из котла холодной водой, затем отдыхали в предбаннике. И запахнувшись, наконец, в халаты, прямо в тапочках по снегу побежали домой.

В деревне это не принято, но Зинаида Ивановна по городской привычке полчаса сушила волосы феном, оделась и вышла к столу.

Петр Владимирович за это время приготовил немудреный

ужин, состоящий из недоеденного за обедом борща, нарезал два маленьких бутерброда из черного хлеба с салом и поставил на стол две бутылки – водка для жены, и самогонка для себя.

Водка была в деревне дефицитом, ее нужно было привозить из поселка, что был за десять километров, а самогонку – первачок – всю жизнь гнал для себя сосед, никогда и никуда из деревни не уезжал.

Идиллия, легкие после бани, отдохнувшие сели за стол ужинать.

Луна уже светила в окно, лаяли на улице собаки, уютно и тепло от печки было дома.

– Ну, за детей! – поднял первую Петр Владимирович.

Пили всегда только за детей. Ну, еще и за здоровье.

Сидели, разговаривали. Спиртное брало свое.

Разделись, пошли в спальню.

Неяркий свет ночника, освещал супружескую постель.

Петр Владимирович раздевшись, потянулся, было к Зинаиде Ивановне.

– Петь! И когда, наконец, у тебя отсохнет! – отмахнулась она.

Петр Владимирович вздохнул и лег опять на спину.

– А когда-то было регулярно. А у тебя Зин, это, уже совсем отсохло?

– Петь, ну мне и раньше не особо охота, было, – ответила Зинаида Ивановна.

– Раньше-то, Зин, было регулярно.

– Это у тебя было регулярно! А у меня-то хоть раз спросил?!

... Лежали потом, как в молодости, обнявшись, и разговаривали.

– Вот бы дети на Новый год приехали!

Приближался новый год.

– Ну, в новогоднюю ночь не приедут. У них свои гости.

– А давай числа третьего после нового года, уговорим тракториста за самогон, и он расчистит дорогу!

Эту дорогу зимой могла проехать только автомашина с фургоном, которая раз в неделю сюда привозила кое-какие продукты.

А дорогу редко, если повезет, расчищал тракторист из соседнего поселка, расположенного за десять километров.

– Давай! Он на этой неделе вроде должен приехать!

– Ты, Зин, слушай, не пропусти. Если расчистит, детям позвоним. Приедут, конечно!

– Вряд ли, Зин, ну что им здесь делать? Ни души, ни детей! Ну, может недельку вытерпят!

– А ты с ними на рыбалку сходи!

– Зин, ты не обижайся, но надо понять, – у них своя жизнь, если приедут, то из долга или жалости!

– Грустно это, Петь!

– Ну, так Зин, жизнь устроена! Главное мы их подняли!

... Зинаида Ивановна помолчала, потом постепенно засо-

пела и тихо уснула.

Петр Владимирович еще немного подумал, пока разбирал в голове дела, которые нужно будет сделать, и уснул.

И снилось ему, что нужно для Нового года срубить елку, надо бы съездить в город, купить на елку украшений, нарядить баранками и конфетами, как во времена его детства.

Нет, все равно нужно в город, ну хотя бы в поселок, купить внукам подарки, вдруг приедут!

Скоро Новый год!